

18+

РАССВЕТНАЯ ПЕСНЯ БАРДА

Елена Фошина

Елена Фошина

Рассветная песня барда

«Издательские решения»

Фошина Е.

Рассветная песня барда / Е. Фошина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985397-4

«Он обернулся по направлению взгляда раненого юноши и похолодел: по залитой солнцем равнине к ним бежала девушка. Страх превратил её в сверхъестественное существо, не касавшееся ногами земли, волосы её напоминали облако, а лицо показалось воину неестественно белым, и он зажмурился, боясь увидеть выражение этого прекрасного лица».

ISBN 978-5-44-985397-4

© Фошина Е.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	10
Глава третья	12
Глава четвёртая	13
Глава пятая	16
Глава шестая	18
Глава седьмая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Рассветная песня барда

Елена Фошина

*Тысячи струн гитарных трепещут сейчас под пальцами
сегодняшних бардов России. Ещё когда я помечтала обо всём там,
в тайге, они первыми почувствовали. Их души... Сначала только
в одной загорелся трепещущий огонёк и вздрогнула тоненькая струна
гитары, потом подхватили, откликнулись души других. Скоро их песни
услышат многие люди. Они – барды – помогут увидеть новую зарю.
Зарю просветления души людских. Ты услышишь их песни. Новые песни,
рассветные.*

В. Н. Мегре «Звонящие кедры России»

© Елена Фошина, 2021

ISBN 978-5-4498-5397-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Она понизила скорость своего белого Renault – впереди был поворот – и снова краем глаза залюбовалась блестящим на пальце колечком. Маленькое обручальное кольцо с бриллиантом привело в восторг двоюродную сестру, у которой она провела вчерашнюю субботу.

– Мы так за тебя рады, – целуя девушку в обе щёки и почти плача, говорила Катя, оглядываясь на широко улыбающегося мужа и длинноногую дочку-подростка, стоявших на пороге зала.

Они не дали ей даже войти – сразу кинулись на шею.

– Кто он? Тёть Лена сказала, что красивый и богатый! – это Катя, которую при таких словах шутливо ущипнул за ухо муж.

– Он за границей жил? – это Ксюша, племянница. – А в какой стране, в каких городах?

– Главное, чтоб бизнес был надёжный, – веско заметил Сергей. – И чтоб руки тем концом.

– Ой, кто бы говорил! – покосилась на мужа Катя. – А кто мне плитку на кухне обещает вторую неделю приклеить?

Гостья смотрела на них и впервые ясно представляла себя замужем. Она так же будет подшучивать над любимым, обнимать и целовать своих детей. Весело было наблюдать, как сестра с мужем и племянницей радуются за неё, двадцатипятилетнюю невесту, от которой, наконец, дождались новости о скорой свадьбе.

– Приезжайте обязательно, – сказала она напоследок. – На помолвку не попали – свадьбу не пропустите!

Сейчас, крепко и уверенно держась за руль своего автомобиля, девушка испытывала то же чувство: безмятежную радость. Её светлые мысли, усиливающиеся от созерцания пустой автотрассы и кудрявых, росших по обеим сторонам, берёз, сквозь узорчатую крону которых глядело яркое июльское солнце, резко оборвало появление красной десятки.

Машина вылетела навстречу из-за поворота на огромной скорости. И девушка, вцепившись в руль и крутанув его, чтоб избежать столкновения, вдруг ясно поняла: свадьбы не будет.

Последним, что она увидела, были взлетевшие в ясное голубое небо белые стволы берёз и красный цвет, заливший мир вокруг: десятка? Или... кровь? И отчего-то, ощутив мощный удар по голове, она подумала: «Это было. Это уже было...»

– Было, – словно эхо, повторил вслед за нею голос. Той – другой – девушки, глядевшей на неё из зеркала...

Глава первая

Марина любила май. Это был не последний весенний месяц для неё – это был первый месяц лета, которое она начинала ждать, едва наступали декабрьские морозы. Она спешила навстречу лету, стараясь, насколько было можно, реже накидывать на плечи ветровку или связанный мамой бежевый кардиган и подставлять лицо каждому лучику солнца.

Сегодня был первый в мае рабочий день. После праздников, которые она провела с родителями на даче, Марина чувствовала себя отдохнувшей и способной с лёгкостью взяться за работу.

Как водилось в будни, разбудил её привычный размеренный шаркающий звук, доносившийся в приоткрытое окно. Уже второй месяц этот звук заменял ей будильник. Она могла быть уверена: ровно в семь часов утра, за исключением субботнего и воскресного, разгонит её сон этот тихий сигнал.

Марина потянулась, закуталась в одеяло, решив, что оставить окно на ночь приоткрытым было опрометчиво, и ещё немного полежала, слушая птиц и проезжающие по двору машины. Затем встала, накинула поверх сорочки махровый халатик и пошла закрывать окно. С высоты своего четвёртого этажа она увидела дворника Женю, спокойно орудовавшего метлой, которая в его руках казалась тонкой веточкой. Марина улыбнулась: её коллега Олеся всё время фыркала на этот счёт:

– Как это такие здоровенные молодые мужики могут докатиться до работы дворниками?!

Но она просто любила поворчать, а сама уже давно познакомилась с Женей, как знакомилась со всеми подряд, и сообщила Марине, ничуть не интересующейся подробностями чужой жизни, что тот работал в строительной фирме, которая закрылась недавно, и временно устроился на первую попавшуюся работу, чтобы сдать последнюю сессию и защитить какой-то там диплом и уехать куда-то там, а куда – Марина не расслышала.

Позавтракав, девушка быстро и тщательно оделась, нечаянно залюбовавшись своим отражением в трюмо. Ей очень шёл серебристо-голубой брючный костюм, подчёркивающий изящную и достаточно высокую фигуру, к которому она надела белые туфли – в тон тонкой блузе без рукавов и ниточке настоящего жемчуга, подаренного папой на двадцатитрёхлетие со словами из какого-то романа: «Настоящие леди носят только жемчуг!»

Сегодня она вышла из дома раньше обычного и на ходу весело помахала дворнику рукой, как старому знакомому. Предчувствие лета – торопливое, не желающее ничего слышать о ещё неделях весны и грозивших ранним посадкам заморозках, – делало её жизнерадостной и смелой, какой она и была в глубине души, но флегматичный темперамент не позволял окружающим разглядеть эти свойственные более шумным натурам качества в обычно сдержанной и строгой девушке.

Марина отправилась трудиться. Её контора располагалась в десяти минутах пешком: покупая себе квартиру, она выбрала район поближе к месту работы. Возле торца пятиэтажки ещё не было ни одной машины, и Марина, преодолев крылечко, открыла своим ключом массивную железную дверь с надписью «Нотариальная контора». Включила свет в небольшом коридорчике. С красивой двери на неё глядела табличка: «Нотариус Марина Владимировна Перовская».

Олеся всегда появлялась позже. И сейчас её подвёз на машине Гриша: это Марина, как обычно, увидела в окно. Невысокий и коренастый, в неизменных чёрных очках и с коротко стриженными чёрными волосами, он выглядел довольно внушительно. У него был вид успешного предпринимателя. Машина, кстати, – выдавший виды мерседес – тоже была чёрная. Мрачно, в общем-то. Но Марина хорошо знала, как в действительности добродушен бывает Олесин мужчина.

– Есть там кто уже? – спросила она помощницу, поглядывая на часы: до начала приёма оставалось шесть минут.

– Пара старушек, – ответила Олеся, торопливо оглядывая в зеркале макияж и короткое рыжевато-каштановое каре. – Сегодня Алису еле подняла! Не хочет в садик и всё тут. С Гришей, говорит, в магазин поеду. Уж не знаю, чем он её уговорил! – Олеся вздохнула. – А ты загорела!

– Успела, – улыбнулась Марина. – У родителей огород сажала.

– Майский загар, – покивала Олеся.

До обеда посетителей было не слишком много, и Марина успела выслушать, как весело Олеся с дочкой и новым другом провела праздники. Ну, новым Григория можно было считать условно: вместе они жили уже года полтора. По воспоминаниям Марины, это был самый долгий Олесин стаж в отношениях. Даже с бывшим мужем – а Олеся, в отличие от ровесницы Марины, успела побывать замужем, родить дочь, развестись и поменять ещё пару ухажёров прежде, чем на горизонте появился Он, – прожила она меньше одного года. Марина относилась к Грише без иронии. Она согласна была с Олесей: главное, что мужчина любит твоего ребёнка.

После обеда, во время которого, уплетая за обе щёки испечённые вчера мамой пирожки, Марина опять выслушала кучу комплиментов от коллеги в адрес своей не восприимчивой к мучному фигуры, в дверь заглянул молодой мужчина. Он был бы совершенно обычен для обеих девушек, даже несмотря на элегантный светло-кремовый костюм-тройку, в которых не часто щеголяли заходившие в контору мужчины, если б, открыв дверь, не произнёс озадаченно:

– День добрый, девушки, а я к Перовской...

– К вашим услугам, – ответила Марина.

Мужчина сделал шаг назад, прочёл фамилию на табличке:

– Прошу прощения... А Татьяна Дмитриевна?

– Татьяна Дмитриевна на пенсии. Я – вместо неё, – ответила Марина.

– Увидел фамилию, – смущённо сообщил молодой человек, присаживаясь. – Однофамильцы?

– Она моя родная тётя, – разглядывая какие-то документы, пояснила девушка. – Что у вас?

– Доверенность на совершение сделки.

Некоторое время они молчали.

– Давно она на пенсии? – спросил клиент, глядя, как Марина, всё проверив, передаёт его документы помощнице.

– Три года.

– Невозможно поверить! Татьяна Дмитриевна – такая молодая и красивая женщина.

– Она сразу покинула свой пост, как только исполнилось пятьдесят пять, – Марина улыбнулась: мужчина был прав насчёт её тёти.

– Понятно, – кивнул он в ответ. – Столько перемен за эти годы. Я месяц всего, как вернулся. Четыре года не был в городе.

– Путешествовали? – поинтересовалась Олеся.

– Можно и так сказать. Жил за границей.

Марина скрыла смех: такое впечатление произвела последняя фраза на Олесю.

– Распечатала? – спросила она помощницу. – Всё, теперь печать и подпись, – Марина тщательно и размашисто расписалась, скрепила доверенность гербовой печатью и протянула посетителю документ. – Всего доброго.

Олеся постояла возле окна, дождавшись, пока молодой человек сел в свою машину:

– Что за марка? – она оглянулась, но Марина пожала плечами. – А, точно: ауди! Вон колечки спереди. Подумать только: четыре года прожил за границей! Интересно, чем он занимается? Какой мужчина, Марин!

– И с чего такой восторг?

– Между прочим, – шепнула Олеся, потому что вошёл следующий клиент, – не женат. Тридцать лет. И, – она наклонилась почти к уху подруги, – никаких детей!

Марина потрясённо воззрилась на неё: вот и давай ей в руки чужие паспорта!

Глава вторая

Она плыла. С наслаждением отталкивала ногами тёплую, согретую летним солнцем воду, рассекала её руками, держа голову над речной гладью и любуясь красотой незнакомого пейзажа. Место было живописное. Берега заросли лесом. Кое-где деревья росли прямо у самой воды, скрепляя своими обнажёнными корнями землю под обрывом или купая в реке свои гибкие зелёные ветви. Нигде не было видно ни одной полосочки песчаного пляжа. Это удивило девушку, но она отчего-то уверенно плыла к берегу, словно знала, где ей необходимо выйти на сушу.

Выходя из реки, она оглянулась: река была широкая. Открывшийся перед нею вид поража́л величием могучих деревьев, лиственных и хвойных, некоторые из которых она прежде никогда не видела. От реки до близкого леса вела неширокая земляная дорожка.

Ей было сейчас невыразимо хорошо. Она вздохнула всей грудью, удивляясь свежести и непривычно богатому ароматам воздуха. Хотелось петь, высоко подняв голову и любуясь летавшими в синем просторе птицами.

Привычным движением завела руки назад, скручивая жгутом и выжимая мокрые волосы, и вдруг замерла от неожиданности: волосы были длинные! Не просто длинные, а ниже пояса! Она в смятении опустила руки, оглядела себя: от шеи до колен на неё была надета белая рубашка, сотканная из непонятных волокон. Рубашка была мокрая и плотно облегалa её стройное тело. Вот почему так свободно и необыкновенно приятно было в воде – на ней не было купальника!

Испугавшись не на шутку, она осмотрелась: на широком плоском камне была аккуратно сложена одежда. Её?! Сотканный из более жёстких нитей вышитый сверху и снизу сарафан она видела впервые. Поблизости никого не было. Девушка подошла к реке, чтобы увидеть своё отражение и, наконец, успокоиться. Но то, что она увидела, заставило её вскрикнуть и отпрянуть назад. Из воды на неё смотрела... другая! Похожая на неё чертами лица, но вместо привычного каскада до плеч лицо её обрамляли длинные-длинные, слегка волнистые волосы, разделённые прямым пробором над высоким ясным лбом, на который не падала чёлка.

«Что это?» – прошептала она, прижимая ладони к лицу, но отражение смотрело на неё, не двигаясь, и серые глаза его были полны тепла.

Марина громко вскрикнула, зажмурилась и побежала прочь, путаясь в длинном полотнище рубашки. Запутавшись, она споткнулась и упала. И это падение заставило её открыть глаза: вокруг было темно.

Была ночь. Она сидела на своей собственной кровати, укутанная в сбившийся пододеяльник. Уличный фонарь находился слишком далеко от её окна, и ей пришлось включить ночник. Ну, конечно же, это был просто сон! Однако на душе у девушки отчего-то по-прежнему было тревожно.

Проворочавшись до утра, на работе она еле дождалась обеда и, зевая, попросила Олесю, зашедшую в соседнюю с кабинетом комнату на звук закипевшего кофейника:

– Налей и мне чашечку!

– Ты ж не любишь кофе, – удивилась Олеся. Спустя пару минут она позвала Марину.

Усевшись за небольшой столик, едва умещавшийся в комнатке между холодильником, мойкой и окном, Марина снова зевнула и, сморщившись от запаха кофе, сделала глоток.

– Не выпалась, – пожаловалась она.

Олеся расплылась в улыбке. Она-то знала, что обычно Марина спит как младенец или как человек с абсолютно чистой совестью. А тут!

– Признавайся: кто он? – подвинувшись поближе, заговорщически прошептала она.

– Кто? – Марина добросовестно пила кофе.

– Причина твоей бессонницы!

Марина не отреагировала на шутку подруги. Подумав, стоит ли рассказывать столь незначительный эпизод, она всё-таки решила поделиться:

– Мне сегодня ночью приснилась девушка...

– Девушка?! Ну, ты, мать, даёшь! – Олеся притворно закатила глаза. – Нет, срочно замуж! А то тебе уже девушки стали сниться!

– Да ну тебя, – засмеялась Марина и встала, чтобы достать из холодильника принесённый из дома обед.

В самом деле: мало ли что присниться может? А ей совсем не хотелось быть мишенью для Олесиного юмора.

Глава третья

Девушки сидели на мягком ковре из сочной зелёной травы в кружевной тени высоких деревьев. Полуденное небо радовало почти полным отсутствием облаков, но и в ненастье находили здесь свою прелесть: частые, но не затяжные обильные дожди поили леса и луга, наполняли родники, заставляли быстрее течь многочисленные ручейки и сохраняли полноводной широкую спокойную реку.

А сегодня было ясно. Девушки плели венки. Не развлечения ради – со всею серьёзностью относились они к этому занятию. Цветок к цветку, травинка к травинке, выбирали самые красивые и ароматные, каждый лепесток согревая нежным взглядом. В стебли гибкие вплетали ленты разных цветов. Оттого особенно нарядными смотрелись венки.

Изредка какая-нибудь из красавиц поднимала глаза на Мирославу. И та плела венок – из голубых и сиреневых цветов. А взгляд её часто отвлекался от рукоделия и направлялся в сторону берега. Все знали, о чём – вернее, о ком, – думала Мирослава.

Завершив занятие, девушки с песней поднялись и направились к реке – опускать венки в воду, чтобы течение унесло их в дали дальние – к милым суженым, с мечтами о которых творили девицы поделки свои.

Мирослава одна не стала венков в реку бросать. Бережно в обе руки взяла и пошла по тропинке к другой части берега, скрытой зарослями камыша и ивы. Оттуда слышался ей плеск воды и смех. Красивый юноша купал в реке своего коня.

Мирослава остановилась. Почувствовав её присутствие, юноша обернулся и побежал по воде, а конь помчался рядом, окатывая его с ног до головы. Каштановые волосы молодого человека намокли, карие глаза искрились весельем.

– Мирослава! – воскликнул он, подбегая и беря её за локти.

– Это тебе, – сказала девушка, поднимая венок над высоким лбом суженого и надевая на влажные его волосы.

Ни разу ещё она не плела ему венка, и парень с удовольствием наклонился над водной гладью, чтоб увидеть своё отражение.

Все знали в селении, что вчера только сын старосты Данияр позвал Мирославу замуж. И что она согласилась. Это было счастливое событие для всех. Священное. Новая семья скоро появится – новое Любви Пространство расцветёт живыми растениями и наполнится голосами нарождающихся детей – потомков Великого Рода Человеческого.

Робко прислушивалась к своему сердцу Мирослава, представляя своё будущее с Данияром. Был он красив, высок ростом, смел, ловок и весел. Двумя годами всего старше невесты своей, рос он по соседству, в играх общих служил товарищем, а теперь вместе им по жизни идти предстояло – рука об руку.

С нежной улыбкой смотрела на жениха своего Мирослава, привыкая видеть его в новом качестве, отчего тепло и радостно становилось у неё на душе. Они и не заметили, как ясное небо вдруг потемнело от тучи, невеста откуда появившейся.

– Неужели дождь начнётся? – спросила Мирослава.

– Бежим?! – воскликнул Данияр, беря её за руку и хлопая по гладкой шее гнедого жеребца. И они побежали прятаться от внезапного дождя в густую чащу леса, счастливые и безмятежные, как дети, которыми были ещё вчера.

Глава четвёртая

– Я позвонила сегодня Тане. Она обещает приехать, – сказала Елена Васильевна, входя в зал.

Муж её, видный пятидесятидвухлетний мужчина массивного телосложения, но довольно подтянутый, высокий, с орлиным – или, как родственники говорили, греческим – профилем смуглого красивого лица, с седеющими чёрными волосами, отложил на диван газету и очки:

– Ага, значит, помещица согласилась ранчо своё бросить ради нашего юбилея. И надолго приедет?

– Не спрашивала. Главное, на юбилее будет. Соскучилась уж по ней, – все знали, что у Елены Васильевны были прекрасные отношения со старшей сестрой мужа.

– Ну да, как начиталась этих книжек и отчалила, так и редко приезжает, – согласился Владимир Дмитриевич. – Не знаю уж, вон к племяннице любимой и на день рождения-то не жалуется. Всё деньгами на подарки отделяется.

– Да ладно тебе, пап, – возразила Марина, сидевшая с ногами в мягком кресле и листавшая взятую с журнального столика книгу. – Она же говорит, что в городе ей не нравится. Уж лучше мы выберемся к ней как-нибудь. Воздухом свежим подышим. А дни рождения свои я и сама отмечать не люблю – знаешь же!

– Раньше нравилось в городе, теперь не нравится, – усмехнулся отец, снова беря газету и водружая очки на нос. – А Витины?

– В Питер звонила тоже, – ответила мама. – У Веры гипертония обострилась. Мальчишки её на работе заняты...

– Ну да, Питер – не ближний свет, – согласился Владимир Дмитриевич. – Привет от меня передала? Сам как-нибудь Вере позвоню.

– Передала. И от неё привет. От Никиты и Дениса – тоже.

– Как они там? – Марина отложила книжку. Она уже несколько лет не видела семью своего дяди Виктора, старшего брата папы и тёти Тани, которого не стало шесть лет назад.

– Так же работают. Дети учатся. У Никиты старшая в последний класс пойдёт, – ответила мама. – Если б мать ещё не болела. Говорит мне: сами приезжайте, вы молодые, здоровые.

– Ага, особенно Татьяна в своём поместье, – улыбнулся папа.

– Чего ты смеёшься? – подошла к нему Елена и взъерошила волосы на макушке. – Правильно делает твоя Татьяна. Пока мы тут выхлопными газами дышим и воду хлорированную пьём, она здоревает и молодеет.

– И вообще, мне её книжки нравятся! – сказала Марина.

– Ну-ну, – ответил отец. – Как их там: кедровый звон что ли?

– Сам ты звон! «Звенящие кедры России», – смеясь, поправила дочь.

– И мне нравятся, – поддержала её мама. – Хоть и сказка наверно, но как хорошо на душе, когда читаешь...

– А мне они не кажутся сказкой, – задумчиво сказала Марина. – Не зря же столько людей свои поместья строят. Поселения целые создают.

– Романтики, – протянул папа, снова погружаясь в чтение газеты.

Так бывает каждую весну: после жарких дней в середине мая наступают холода, а как же не хочется доставать из шкафа тёплую верхнюю одежду! Вот поэтому Марина мёрзла, идя по тротуару с прижатой локтем сумочкой и пряча пальцы в рукава бежевого кардигана. Она собиралась зайти в ближайший магазин, чтобы купить еды и заодно погреться, а там и до дома – рукой подать, как вдруг её окликнули из приостановившейся рядом машины:

– Марина Владимировна, здравствуйте! Садитесь, подвезу.

Она обернулась: из блестящего, цвета кофе с молоком, ауди, приоткрыв дверцу, выглянул тот самый недавний клиент, по поводу которого Олеся уже несколько раз высказывала Марине свои восторги.

– Здравствуйте, – ответила Марина. – Да нет, не стоит, спасибо, я тут рядом живу...

– Понятно... Дома ждут?

– Нет, я отдельно от родителей...

Она отчего-то смутилась. И он, похоже, почувствовав неловкость, не стал настаивать и, пожелав девушке хорошего вечера, поехал дальше.

Дома Марине пришлось включить обогреватель: в пустовавшей с утра до вечера квартире стало слишком свежо. А она любила тепло.

Дверь кабинета открылась, и Марина, готовая произнести стандартное «Подождите, пожалуйста, в коридоре», умолкла на первом слогe – на пороге показался высокий худощавый светловолосый мужчина в джинсах и серой ветровке.

– День добрый, – вполголоса сказал он, кивнув Марине и Олеся и извиняющимся взглядом посмотрев на обернувшуюся женщину, которая сидела у стола в ожидании своих документов. – Я в обед забегу, через полчаса.

– Хорошо, Дим, – ответила Олеся за обеих.

Он так и сделал – обедали в нотариальной конторе сегодня втроём. Дима принёс с собой упаковку мягких вафель и апельсины, а Олеся с Мариной поделились с ним салатом с крабовыми палочками и зелёным чаем.

– Макс Фишер уезжает в Германию, – сообщил Дмитрий.

– Ого, классно, – отреагировала Олеся. – Сколько у него уже?

– Так и двое пацанов. Он уже документы оформляет, ездил туда к родственникам. Вроде устроиться должны хорошо. Ну вот, ему и захотелось весь класс собрать перед отъездом. Ну как весь? Кто в городе, кто сможет. Присоединитесь? – Дмитрий направил долгий вопросительный взгляд на Марину.

– Конечно. Да, Марин? – Олеся отнеслась к идее с энтузиазмом.

Марина кивнула:

– И когда планируется?

– Ну, в середине июля, думаю, соберёмся, – ответил Дима. – Лучше на природе, как раз время года подходящее. Мы ещё не всех обзвонили и не со всеми встретились.

– Ну, всех и не получится, – заметила Олеся. – Мы когда в прошлый раз встречу делали? Лет... ого, уже лет пять назад наверно? Было меньше трети класса.

– Да хоть сколько человек придёт, – сказал Дмитрий, снова поглядев на Марину. – Уютный у вас тут офис. Ты теперь, смотрю, вместо своей тётки?

– Да, – улыбнулась девушка. – На повышение пошла.

– Помню, как ты в юридический всё собиралась... Здорово, когда мечты сбываются.

Они ещё посидели, вспоминая школьные годы, потом, взглянув на часы, Олеся встала:

– Ну, давай, Дим, держи нас в курсе. Привет ребятам – кого увидишь.

– Счастливо, девчонки, – попрощался молодой человек. – Звоните, не пропадите.

– И ты не пропадай! – ответила Олеся и, когда шаги его стихли в коридоре, произнесла задумчиво: – Вот тоже к кому присмотреться не помешало бы... Он ведь всегда был в тебя влюблён.

– Кто? – открывая папку в компьютере, рассеянно спросила Марина.

– Кто. Димка Воронов.

– Опять шутишь? У тебя все в меня влюблены.

– Думаешь, он просто так про мечты сказанул? А ты ничего дальше носа не видишь. Спящая красавица.

Олеся давно дала ей это прозвище. Или ещё «Снегурочка», «Снежная королева» – постоянно упрекая Марину в холодности и нежелании ничего предпринимать, чтобы, наконец, найти себе мужа.

– Всё ты фантазируешь, – возразила Марина.

– Знаю точно. Он всё время был к тебе равнодушен, но ты такая неприступная. Чего, ты думаешь, он развёлся через шесть лет брака? Потому что ты в голове!

– Ну да, а ты чего столько расходишься? У тебя кто в голове?

– Я – другое дело. А Димка, хоть и алименты на сына платит, жених хороший. И работа есть, и жильё, и добрый, и...

– Олесь, я тебе, конечно, благодарна, что ты так обо мне заботаешься... Но давай уже эту тему оставим.

– Ты что, вообще не собираешься замуж выходить?! Тебе скоро тридцать.

– Успею. Мне только двадцать пять. Будет.

– Ну да!

– Олесь, у меня нет никакого желания выходить замуж только из-за того, что «пора» и «надо». Если бы я влюбилась – другое дело. Но этого до сих пор нет. И точка! – Марина отворила дверь, но посетителей пока не было. – А насчёт Димы... даже если и была детская влюблённость, она наверняка уже прошла. Я вот тоже по Алену Делону вздыхала.

– Да ты просто непробиваемая. Как спящая красавица. Тебя будить надо... поцелуем, – Олеся вдруг рассмеялась. – Хотя нет, одним поцелуем тут не обойдёшься. Здесь надо уже другие действия предпринимать...

От её хохота Марина засмеялась сама. Она прекрасно понимала Олеся: та во что бы то ни стало желала ей счастья. Чувствовала наверно себя в долгу перед ней. В школе они никогда не были подругами. И после выпускного их пути разошлись. Марина пошла на юрфак, а Олеся получила в колледже корочку бухгалтера. Но однажды, навещая родителей, которые жили по-прежнему на одной улице с семьёй бывшей одноклассницы, Марина встретила ту расстроенную, одну, с коляской. Разговорились. Олеся пожаловалась, что осталась одна с дочкой, переехала снова к маме, ищет работу... Одноклассница предложила молодой женщине место своей помощницы, так как её тётя собиралась через пару месяцев на пенсию, и место это, занимаемое самой Мариной, освобождалось. Так они сблизились. С тех пор у Марины, никогда не стремившейся заводить подруг, появился преданный и пристрастный товарищ, умевший хранить секреты и пристально рассматривающий каждого появляющегося на горизонте мужчину на предмет серьёзных отношений для своей «благотельницы».

Глава пятая

С самого раннего утра Мирослава и Данияр отправлялись на своё будущее родовое поместье. Отметили колышками границы и подолгу ходили по участку, наблюдая за землёй и растениями, направлением ветра, игрой света и тени, словом, обдумывая будущее пространство своё. Мирослава мечтала о цветнике под окнами дома, Данияр размышлял, где лучше вырыть глубокий пруд, и оба были счастливы, строя планы на дальнейшую свою – долгую и полную радостей – жизнь. Так воспитывались они: несмотря на то, что давно по земле шли войны, о которых доносилась молва тревожная, болезни и горести частыми гостями становились у живущих по соседству народов, стремились потомки ведрусов сохранять в душах своих веру в добро. Только светлые мысли и любовь к окружающему миру допускали они в себе, только радостные чувства.

В размышлениях и разговорах проходил обычный их день, кроме тех, когда собирались вместе жители поселения на общей поляне. Или дома нужно было помочь в делах семейных родителям – тогда договаривались они встретиться в другое время. И вновь шли к поместью своему будущему. Ко дню венчания нужно было им спланировать, что и где расти будет, где дом и иные постройки встанут, чтобы в важнейший для обоих день заложить на века родовое поместье.

У соседей сегодня было шумно. Вчера вечером, как сказала Ладомила, к ним пришли барды – странствующие музыканты и певцы, о которых слава шла по селениям светлая. Заночевали, а теперь готовились перед сельчанами выступить. Песни свои петь собирались.

Мирослава достала праздничный сарафан, старший брат, двадцатилетний Миродар, надел вышитую матерью рубашку. Вот и вся семья собралась: старшие две дочери Велимира и Ладомилы давно семьями жили в соседних поселениях.

К бардам относились в селении с великим почтением. Помнили о тех – первых Бардах – посвящённых, учеников друидов, которые прежде двадцать лет обучались, чтобы идти и петь людям песни свои, исцеляющие Души, несущие Свет и Истину, Образы Творящие. Многое изменилось с тех пор, но и теперь появлялись те, кто стремился продолжать великое дело погибших в неравной битве с римскими легионами. В отличие от первых Бардов, кроме голоса, уже использовались ими музыкальные инструменты: в числе их были дудки, флейты и свирели, рожки и гусли.

Мирослава, не дожидаясь брата и сестёр, пошла первая на общую поляну, надеясь увидеть там Данияра. Так и случилось: на большом открытом месте, обрамлённом кустарниками и высокими деревьями, которые не могли спрятать от солнечного света такое обширное пространство, среди собравшихся жителей селения разглядела девушка своего жениха. С удовольствием заметила она, что по случаю праздника надел тот её подарок – белую рубаху с синим вышитым орнаментом.

Увидев суженую, Данияр подошёл встретить её. Мирослава обратила внимание, что жених чем-то очень увлечён: большая часть мужчин окружили бардов и, видимо, занимали их расспросами, ведь странники много где побывали и многое видели. Для жителей поселения, не уходивших от родины на большие расстояния, поговорить с пришлыми было делом интересным и важным.

Бардов было шестеро – это стало видно, когда селяне, наконец, разошлись по периметру поляны и оставили просторное, залитое солнцем место, на котором расположились музыканты. Все затихли, когда начали они петь. Звучные голоса в сопровождении чарующей музыки, извлекаемой из струнных инструментов, флейты и свирели, начали повествование своё о счастье и любви, о прекрасной Земле, о мужестве и доброте, о красоте и радости. Двое из бардов –

самый старший и молодой – пели и играли на инструментах, которые называли гусями, перебирая их звонкие струны. Остальные сопровождали песни переливами свирелей и проникающими в сердце мелодичными звуками флейт. Это было настолько завораживающее действо, что на поляне воцарилась глубокая тишина – даже птицы, казалось, умолкли, прислушиваясь.

Когда молодой гусяр запел очередную песню, Данияр взял Мирославу за руку.

Я пою тебе свою песнь рассветную

Там, где мир ещё тихим сном объят.

Ты была моею мечтою светлою,

И в краю родном я нашёл тебя.

Ты услышишь песню мою рассветную.

Где бы ни был я в этот час,

звонким пеньем птиц и дождями летними

эта песня однажды разбудит нас.

Ото сна разбудит тысячелетнего

и сердца навеки соединит.

Ты услышишь песню мою рассветную —

для тебя струна моя зазвенит,

– молодой бард закончил петь. Влюблённые вокруг держали друг друга за руки – Данияр заметил это и посмотрел на Мирославу, в очередной раз залюбовавшись красотой своей избранницы. Она слушала, опустив длинные ресницы, прятавшие такие знакомые юноше глаза – светло-серые, принимающие разные оттенки, от небесно-синего, до бледно-зелёного, взволнованная, с лёгким румянцем на чистом лице, которое обрамляли светло-русые, слегка выющиеся, длинные волосы. Чувствуя тепло её руки в своей, Данияр испытывал гордость.

Потом были хороводы и песни, которые сами жители селения пели вместе с бардами. А местные музыканты достали свои инструменты. Мужчины, сев подле гостей на длинные стволы упавших вековых деревьев, служившие им скамьями, расспрашивали странствующих о том, что видели те на своём пути. Иногда пожилые задумчиво взглядывали поверх собеседников, собирая в горсти длинные бороды, и лица их были озабоченны. Но это не мешало всеобщему веселью.

Данияр, который с любопытством прислушивался к разговору отца с двумя старшими бардами, вспомнил о Мирославе, оставленной им в кругу девушек и парней, игравших в ручеёк. От услышанного много противоречивых мыслей появилось у юноши в голове. Он встряхнул каштановыми волосами, вздохнул и отправился искать невесту, которую нигде не было видно. Обойдя поляну, он остановился, слушая чудесные и проникновенные звуки флейты, потому что у подножия небольшого пригорка увидел сидящую на гладком большом камне свою Мирославу.

Глава шестая

Юбилей, после долгих размышлений, решили всё-таки отметить дома: совсем немного пригласили людей, да и домашняя обстановка располагала к более непринуждённому общению. А среди гостей чужих не было – только родственники и близкие друзья.

Елена Васильевна по торжественному случаю украсила себя удивительной красоты колье из тридцати жемчужин и жемчужными серёжками, подаренными мужем этим утром. А накрыть богатый стол ей помогли приехавшие сегодня жена брата и племянница Катя.

После обеда, к началу праздничного застолья, прибыла на такси и Татьяна Дмитриевна, пришли давние друзья семьи – Ольга и Павел Берестовы, последними явились на порог двоюродный брат мамы дядя Миша с женой Таней и двумя сыновьями – старшекласниками, которые тут же с энтузиазмом похвалились Марине своими новыми телефонами и принялись объяснять ей, на какие чудеса способна эта супер-техника. К ним тут же присоединилась Катина дочь Ксюша, вынув из кармана собственный смартфон и погрузившись в обсуждение.

– Смотри, молодёжь, учись, – громко произнёс в разгар праздника дядя Миша, хлопая одного из сыновей по плечу. – Тридцать лет в любви прожили...

Стали вспоминать молодость. Берестов, папин однокурсник, рассказывал, как жили в студенческом городке и дружили между двумя вузами.

– И что ты, Лена, в нём нашла? – засмеялся дядя Паша после очередной шутки Владимира Дмитриевича. – Такая серьёзная девушка, а этот, – он хлопнул друга по плечу, – ни слова без подвоха сказать не может!

Мама улыбнулась:

– А как было не влюбиться? Красивый, высокий, одни чёрные волосы чего стоили...

При этих словах Маринин отец победоносно приподнял красивые чёрные брови и взглянул на друга:

– А как ты думал? Я ж первый парень был!

– Он был тако-о-ой! – вздохнула Елена Васильевна.

– Однако много ж мне пришлось усилий приложить, чтоб ты это заметила! – усмехнулся муж и крепко обнял её, казавшуюся совсем хрупкой рядом с ним.

– А я, помню, всё думала, что же это делал будущий инженер в общежитии пединститута? – сказала тётя Галя, жена маминого брата.

– О, я всегда знал, что жену следует искать среди филологов! – заявил папа.

Марина любовалась отцом и его сестрой. Они были очень похожи. Оба высокие, смуглые, темноволосые. Отцовская кровь проявлялась в Марине чертами лица и матовостью кожи, а вот цветом волос, глаз и телосложением она пошла в маму.

Несмотря на то, что тётя Таня была шестью годами старше папы, её волосы почти не тронула седина. И лёгкая полнота совсем не вредила ей. В молодости же была она настоящей красавицей. Яркая, похожая на испанку, сразу после юрфака она вышла замуж за коллегу – работала в прокуратуре. Но спустя три года муж трагически погиб, и она, так и не успев стать матерью, больше не вышла замуж, с головой уйдя в работу и сделав благополучную карьеру.

Марине нравилось общаться с тётей. Она была человеком независимым и твёрдым, мало интересующимся мнением окружающих о собственной персоне. Потому, когда в жизни её, после прочтения книг о сотворении родовых поместий, начались перемены, никто и удивиться, а тем более – возразить ей, не смел. А удивляться было чему.

Вот и сейчас, за праздничным столом, папа, как обычно, отпускал шутки в адрес тёти Таниной «блажи». Она лишь улыбалась снисходительно, а дядя Миша вдруг сказал, опершись локтем о стол и наклонившись к Маринину папе:

– А зря, Володь, смеёшься. Вот мы тут живём в городе, кажись, на всём готовом: и отопление тебе, и вода – всё в дом. И привыкли. А ведь, если разобраться, это ж зависимость! Вот чего случись, отключат всё, как помнишь, на Дальнем Востоке? Куда бежать? Как обогреваться посреди зимы? Где воду брать? На девятый-то этаж?

– Ну, ты уж о совсем плохом...

– Но было же? И где гарантия, что не будет? А у них вон на своей земле – и скважины, и родники в поселении, и печи в каждом доме... Не, от земли оторвались – считай калеки...

Марина с улыбкой слушала, как спорили мужчины, как тётя Таня поглядывала на них, думая о чём-то своём, пока мама не позвала её на кухню – помочь с чаем.

– Переночуете у меня, тётя Тань? – предложила Марина, когда гости, живущие в их городе, собрались разойтись по своим домам, а остальные – остаться на ночлег у юбиляров.

– Да знаешь, пожалуй, да. Что-то пустовато одной в трёшке моей.

Удобно положив голову на тётину плечо, пока они ехали в машине вызвавшихся подвести их Брестовых, Марина разглядывала вечерний город.

– Когда, говоришь, Марин, они улетают? – спросила тётя Оля.

– В следующий вторник.

Тётя Таня кивнула одобрительно:

– В «Экваторе» хорошие путёвки. Сама пользовалась. Очень с твоей стороны хорошо, Мариночка, что подарила им поездку на юбилей.

– Да, спонтанно вышло... Директор агентства... Соболев фамилия... подарил скидочную карту – как было не воспользоваться? – Марина вдруг отчего-то покраснела, а Татьяна Дмитриевна, услышав новые нотки в голосе племянницы, взглянула искоса на её лицо.

– Игорь вернулся? – спросила она.

– Д-да... спрашивал и привет передавал, – стараясь говорить равнодушно, ответила Марина, продолжая прижиматься головой к тётину плечу.

Татьяна Дмитриевна помедлила, а затем произнесла, кивая словно самой себе:

– Игорь хороший мальчик.

Но по упрямому молчанию Марины поняла, что на эту тему говорить если и стоит, то не теперь.

Глава седьмая

Данияру казалось, что это длится целую вечность. А между тем, он стоял и смотрел на Мирославу всего несколько минут. Лицо девушки почему-то внушило ему неясную тревогу и желание тотчас же увести её отсюда. Но он не мог сойти с места: звуки флейты, казалось, околдовали его так же, как и её.

Мирослава не видела своего жениха. Она вообще не видела никого и ничего вокруг, устремив взгляд широко раскрытых глаз на музыканта, стоящего на пригорке. Он выводил прекрасную незнакомую мелодию. Тень его падала на девушку – высокая фигура барда закрывала её от солнца, прятаявшего свои лучи в его белокурых волосах, крупными кольцами обрамлявших тронутое ровным загаром лицо. Он был молод, но небольшая курчавая бородка и усы делали его чуть старше и серьёзнее – за исключением тех мгновений, когда, встречаясь с чьим-нибудь восторженным взглядом, его глаза не начинали искриться смехом. Несколько раз взгляд его останавливался и на Мирославе, и он улыбался ей легкой улыбкой, от которой девушке почему-то вовсе не становилось весело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.